

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-107-113

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры публичной власти и правового
 положения личности,
 Институт Правоведения Российского государственного
 гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,
 e-mail: bulakov62@yandex.ru

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ПРАВОВАЯ ИДЕЯ И КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Федерализм принадлежит к числу базовых категорий конституционного права, поскольку через него раскрывается не только территориальная организация государства, но и способ распределения публичной власти, политической ответственности и правотворческой компетенции. В самом общем виде федерализм можно определить как конституционно оформленный принцип организации сложного государства, при котором публичная власть институционально распределяется между общегосударственным уровнем и субъектами федерации, а автономия последних юридически гарантируется и сочетается с государственной целостностью, верховенством федеральной конституции и участием субъектов в формировании общегосударственной воли.

Ключевые слова: федерализм, конституция, публичная власть, федеративное устройство, государственная власть, права человека.

Для цитирования: Булаков О. Н. Федерализм как правовая идея и конституционная категория // Образование и право. 2026. № 10. С. 107–113.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,
 Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public Authority
 and Legal Status of the Individual, Institute of Jurisprudence
 Russian State
 University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

FEDERALISM AS A LEGAL IDEA AND CONSTITUTIONAL CATEGORY

Annotation. Federalism is one of the basic categories of constitutional law, since it reveals not only the territorial organization of the state, but also the method of distributing public power, political responsibility and legal competence. In its most general form, federalism can be defined as a constitutionally formalized principle of organizing a complex state, in which public power is institutionally distributed between the federal level and the subjects of the federation, and the autonomy of the latter is legally guaranteed and combined with state integrity, the supremacy of the federal constitution and the participation of subjects in the formation of national will.

Key words: federalism, constitution, public power, federal structure, state power, human rights.

For citation: Bulakov O. N. Federalism as a legal idea and constitutional category. Education and law. 2026;(10):107–113. (In Russ.).

В юридическом смысле федерализм выражает особую форму вертикального разделения власти. Если классическое разделение властей отвечает на вопрос о распределении функций между законодательной, исполнительной и судебной властью, то федерализм отвечает на иной вопрос: между какими территориальными уровнями публичной власти распределяются предметы ведения, полномочия, ответственность и ресурсы.

Поэтому федерализм нельзя сводить ни к административному районированию, ни к политическому компромиссу между центром и регионами. [1] Его нормативное ядро состоит в конституционном признании нескольких уровней публичной власти, каждый из которых действует в пределах собственной компетенции и имеет институциональные гарантии от произвольного поглощения другим уровнем. [2]

Термин «федерализм» происходит от латинского *foedus*, означающего союз, договор, соглашение. Однако современная теория федерализма давно вышла за пределы договорной этимологии. Федерация может возникнуть в результате объединения ранее самостоятельных политических образований, но может формироваться и путем конституционного преобразования единого государства в сложное государство с территориальной автономией субъектов. Поэтому этимология помогает понять идею союза, но не исчерпывает юридическую природу федерализма. [3]

В западной конституционной мысли федерализм традиционно рассматривался как средство соединения двух начал: общего правления по вопросам, требующим единой политики, и самостоятельного правления по вопросам, имеющим региональное значение. Дж. Мэдисон, анализируя американскую модель, указывал на смешанный характер власти в федеративной республике: она не является ни полностью национальной, ни полностью конфедеративной, поскольку соединяет прямое действие общегосударственной власти на граждан и участие штатов в федеральном устройстве. [4]

Классическое правовое понимание федерации связано с идеей разделенной компетенции. К. Уир выводил федеративность из наличия двух уровней управления, каждый из которых в пределах собственной сферы является координированным, а не подчиненным другому. Эта формула важна именно для юридической науки: федерализм существует там, где территориальные уровни власти не только фактически взаимодействуют, но и обладают конституционно определенными, судебной защищаемыми полномочиями. [5]

Современные исследования уточняют эту формулу. Федерализм понимается не как статичная конструкция, а как процесс постоянного согласования полномочий, ресурсов и ответственности. В федеративном государстве неизбежно возникают пересечения компетенции, поскольку большинство общественных задач — экономика, социальная защита, образование, природопользование, инфраструктура, цифровое развитие — не укладываются в жестко изолированные «полки» федерального и регионального регулирования. Поэтому зрелость федерализма определяется не только тем, как компетенция записана в конституции, но и тем, как действует механизм координации, судебного контроля, бюджетного выравнивания и политического представительства субъектов. [6]

Юридическими признаками федерализма являются: во-первых, наличие единого федеративного государства, обладающего государственной целостностью и общим суверенитетом;

во-вторых, существование субъектов федерации, имеющих конституционно признанный статус, территорию, систему органов публичной власти и собственное законодательство; в-третьих, разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектами; в-четвертых, верховенство федеральной конституции и федеральных законов в пределах федеральной компетенции; в-пятых, участие субъектов в осуществлении федеральной власти, прежде всего через парламентское представительство или иные институциональные формы; в-шестых, наличие процедур разрешения федеративных споров. [7] При этом решающим является не набор внешних признаков, а характер компетенции субъектов. Если территория имеет собственные органы, но их полномочия целиком зависят от обычного закона центра и не защищены конституционно, речь идет о децентрализации или автономии в унитарном государстве. Если же компетенция территориального уровня закреплена в конституции, а ее изменение требует специальных процедур и не может быть произведено простым административным решением, появляется федеративное качество государства. [8]

Федерализм предполагает единство правового пространства, но это единство не означает унификацию всех сфер общественной жизни. В федерации действует сложная модель единства и различия: по вопросам общегосударственного значения обеспечивается единое регулирование, а по вопросам региональной специфики допускается собственное правотворчество субъектов. Именно поэтому федерализм является правовой формой управляемого разнообразия. Он не разрушает государственное единство, а делает его более гибким, позволяя учитывать неодинаковость территорий без превращения этой неодинаковости в политическую дезинтеграцию. [9, ст. 4, 5, 15, 71-73, 76]

Содержание федерализма раскрывается через категорию компетенции. Компетенция включает не только перечень вопросов, по которым орган вправе принимать решения, но и пределы этих решений, формы их осуществления, ответственность за результат, финансовое обеспечение и процедуры взаимодействия с иными органами. [10] В федеративном государстве именно компетенция является юридическим языком баланса между центром и субъектами. [11] Поэтому спор о федерализме почти всегда оказывается спором о том, кто вправе регулировать соответствующую сферу, кто финансирует ее реализацию, кто несет политическую и юридическую ответственность перед гражданами. [12]

Федерализм необходимо отличать от конфе-

дерации. Конфедерация представляет собой союз государств, сохраняющих международно-правовую самостоятельность и передающих общим органам ограниченный круг полномочий. В конфедерации общий центр обычно действует через государства-участники, а не непосредственно через граждан; участники сохраняют качество суверенных государств и могут обладать правом выхода. Федерация, напротив, является единым государством, в котором субъекты не обладают международным суверенитетом, а федеральная власть действует непосредственно на всей территории страны и в отношении населения. [13]

Не менее важно различать федерализм и автономию. Автономия может существовать как в федеративном, так и в унитарном государстве. Ее смысл состоит в признании за определенной территорией, сообществом или институтом самостоятельности в пределах установленной законом сферы. Федерализм шире автономии: он предполагает не только самостоятельность субъектов, но и их включение в общую конструкцию государственной власти, разграничение компетенции, участие в федеральных институтах и конституционные гарантии статуса. [9, ст. 11, ч. 3; ст. 78, ч. 2-3]

Федерализм отличается и от регионализма. Регионализм подчеркивает социально-экономическую, культурную или политическую роль регионов, но сам по себе не указывает на юридическую форму государства. Регионалистская политика может проводиться в унитарном государстве через административную децентрализацию, специальные экономические режимы, территориальное планирование и поддержку местных идентичностей. Федерализм же означает, что территориальное многообразие институционализировано в структуре государственной власти и имеет конституционно-правовое значение. [14]

Наконец, федерализм не совпадает с местным самоуправлением. Местное самоуправление является формой осуществления народом власти на муниципальном уровне и решает вопросы местного значения. Субъект федерации — это элемент государственного устройства, обладающий государственной властью в пределах своей компетенции. Поэтому муниципальный уровень может быть включен в единую систему публичной власти, но он не становится субъектом федерации: его природа, объем полномочий и конституционные гарантии иные. [9, ст. 12, 130-133]

В науке конституционного права используют различные классификации федерализма. По способу возникновения различают федерации, образованные путем объединения ранее самостоятельных политических единиц, и федерации, возникшие вследствие конституционной децентрали-

зации ранее единого государства. Первая модель условно именуется интеграционной: она направлена на создание более крупного политического союза. Вторая модель может быть названа деволюционной: она используется для конституционного закрепления территориального многообразия внутри ранее более централизованного государства. [15]

По характеру распределения компетенции федерализм может быть дуалистическим и кооперативным. Дуалистический федерализм стремится к относительно четкому разграничению сфер: федерация действует в одной области, субъекты — в другой. Кооперативный федерализм исходит из того, что значительная часть публичных задач требует совместного регулирования и согласованных действий. Современные федерации в основном развиваются в направлении кооперативных моделей, поскольку социальное государство, инфраструктурная политика, экологическая безопасность, здравоохранение и цифровизация требуют межуровневой координации. [16]

По степени симметрии различают симметричный и асимметричный федерализм. Симметрия означает равный конституционный статус субъектов во взаимоотношениях с федерацией. Асимметрия проявляется в том, что отдельные субъекты обладают особенностями статуса, связанными с историей, национально-культурной спецификой, экономическими условиями или договорными механизмами. Важно подчеркнуть: асимметрия не всегда означает неравноправие. Она допустима в той мере, в какой особенности статуса не подрывают единство федерации, равенство граждан и общие гарантии конституционного строя. [9, ст. 65-66]

По политико-правовой функции федерализм может быть интеграционным, стабилизационным и инновационным. Интеграционная функция состоит в объединении территорий в единое государство. Стабилизационная — в предотвращении чрезмерной централизации и конфликтов между центром и регионами. Инновационная — в возможности регионального правового и управленческого эксперимента, когда субъекты апробируют решения, которые затем могут быть распространены на всю федерацию. Последняя функция особенно значима для будущего федерализма: в условиях технологических изменений и неодинаковой плотности населения именно региональный уровень может быстрее адаптировать публичное управление к местным потребностям. [17]

В Российской Федерации федерализм закреплён как одна из характеристик государства: Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской

формой правления. В основах конституционного строя содержится концентрированное определение российского федеративного устройства: государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации, а также равноправие субъектов во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. [9, ст. 1, 5] Эти признаки образуют не факультативный набор, а взаимосвязанную конституционную конструкцию. [18]

Российская модель является конституционной федерацией. Историческое значение Федеративного договора 1992 г. не отменяет того обстоятельства, что действующий статус субъектов определяется прежде всего Конституцией Российской Федерации. Федеративный договор и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий могут иметь значение лишь в пределах, не противоречащих Конституции. Следовательно, федеративные отношения в России не являются простым результатом политического соглашения центра и регионов; они встроены в основы конституционного строя и ограничены принципами суверенитета Российской Федерации, территориальной целостности и верховенства Конституции. [17]

Субъекты Российской Федерации обладают собственной правовой организацией. Республики имеют конституции и законодательство; края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа имеют уставы и законодательство. Статус субъекта может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и соответствующего субъекта в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Тем самым Конституция закрепляет одновременно единство федерации и правовую индивидуальность ее территориальных элементов. [19]

Ключевое значение имеет статья 73 Конституции РФ, согласно которой вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения субъекты обладают всей полнотой государственной власти. [9, ст. 5, ч. 3; ст. 73] Эта формула не превращает субъект в суверенное государство, но подтверждает, что региональная власть не является исключительно административным продолжением федерального центра. Она обладает собственным конституционным основанием и вправе осуществлять правовое регулирование по вопросам, не отнесенным к ведению Российской Федерации и совместному ведению. [20]

Одновременно российский федерализм ха-

рактеризуется сильным началом единства публичной власти. Конституция относит к ведению Российской Федерации организацию публичной власти и установление системы федеральных органов государственной власти, а также предусматривает единую систему исполнительной власти в пределах федерального ведения и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения. Федеральный закон № 414-ФЗ развивает эту линию, устанавливая общие принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. [21]

Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют особое значение для понимания российского федерализма. В постановлении по делу о Конституции Республики Алтай Суд указал, что суверенитет принадлежит Российской Федерации как единому государству, а признание республик государствами не означает наличия у них суверенитета в международно-правовом или конституционном смысле. При этом Суд подчеркнул, что отрицание суверенитета субъекта не отменяет принадлежащей ему полноты государственной власти вне пределов федерального и совместного ведения. [17] Эта позиция демонстрирует центральную особенность российской модели: федерализм соединяется с единым государственным суверенитетом. [22]

Разграничение предметов ведения и полномочий является операционным центром федерализма. В Конституции РФ закреплены три основные сферы: предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов, а также остаточная компетенция субъектов. Такая трехзвенная модель позволяет сочетать единое регулирование общегосударственных вопросов с региональным правотворчеством и совместным решением задач, требующих координации.

Предметы ведения Российской Федерации охватывают основы государственного суверенитета, федеративное устройство, гражданство, регулирование и защиту прав и свобод, федеральную собственность, основы единого рынка, федеральный бюджет, оборону и безопасность, внешнюю политику, судостроительство, уголовное и гражданское законодательство, процессуальное законодательство, федеральное коллизионное право и иные сферы, требующие общенационального единства. Эти вопросы не могут быть переданы субъектам таким образом, чтобы была разрушена единая государственность. Совместное ведение отражает кооперативную природу современного федерализма. В этой сфере федеральный законодатель устанавливает общие правила, а субъекты принимают законы и иные нормативные правовые

акты в соответствии с федеральными законами. Совместное ведение охватывает защиту прав и свобод, вопросы владения и распоряжения природными ресурсами, охрану окружающей среды, общие вопросы образования, науки, культуры, социальной защиты, административное, трудовое, семейное, жилищное, земельное и иное законодательство, а также общие принципы организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. [23]

Остаточная компетенция субъектов имеет самостоятельное значение. Вне пределов федерального и совместного ведения субъекты осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. В случае противоречия между федеральным законом и актом субъекта, изданным в пределах такой собственной компетенции, Конституция предусматривает приоритет акта субъекта. Эта норма выражает не слабость федеральной власти, а юридическую зрелость федерализма: федеральный законодатель не вправе произвольно расширять собственную компетенцию за счет региональной сферы. [24]

На практике разграничение полномочий не является разовым актом. Оно постоянно уточняется через федеральные законы, договорные и соглашательские механизмы, бюджетные трансферты, административные процедуры, правовые позиции судов и политическую практику. Поэтому федерализм следует понимать как режим конституционно ограниченной динамики: компетенция может развиваться, но ее изменение не должно уничтожать автономию субъектов, подменять региональную ответственность федеральным администрированием или создавать правовую неопределенность для граждан. [25]

Федерализм выполняет несколько взаимосвязанных функций. Первая — интеграционная. Федерализм позволяет удерживать в рамках единого государства территории с различной историей, экономической структурой, культурной спецификой и уровнем развития. Для многонациональных и пространственно протяженных государств эта функция имеет не только организационное, но и конституционно-идентификационное значение: государство признает внутреннее многообразие не как угрозу, а как элемент собственного устройства.

Вторая функция — демократическая. Федерализм приближает публичную власть к населению, создает дополнительные центры политической ответственности и расширяет возможности участия граждан в управлении делами государства. Если все значимые решения концентрируются на едином уровне, демократический процесс

неизбежно становится менее чувствительным к локальным интересам. Федеративная организация, напротив, позволяет гражданам влиять на публичную политику через федеральные и региональные институты одновременно. [26]

Третья функция — гарантийная. Вертикальное разделение власти ограничивает концентрацию публичной власти в одном центре и создает дополнительные механизмы контроля. Субъекты федерации могут выступать как институциональные участники обсуждения федеральной политики, как носители региональных интересов и как площадки для выявления ошибок централизованного регулирования. Однако гарантийная функция федерализма работает только при наличии реальной компетенции субъектов, финансовых ресурсов и процедур судебной защиты. [6]

Четвертая функция — управленческая. Разные территории имеют неодинаковые социально-экономические условия, плотность населения, транспортную доступность, климатические ограничения, демографическую структуру и бюджетные возможности. Федерализм позволяет адаптировать правовые и управленческие решения к таким различиям. Особенно это важно в сферах социальной поддержки, образования, здравоохранения, пространственного развития, экологии, цифровой инфраструктуры и регулирования региональных рынков труда. [27]

Пятая функция — инновационная. Субъекты федерации способны выступать лабораториями правового и административного эксперимента. Региональный эксперимент не означает произвол: он должен осуществляться в пределах Конституции, прав и свобод граждан, единого экономического пространства и федеральных стандартов. Но именно федерализм позволяет избежать одной из главных слабостей чрезмерно централизованного государства — медленной адаптации к новым вызовам. С этой точки зрения будущее федерализма связано не только с вопросом о полномочиях регионов, но и с вопросом о качестве межуровневого управления данными, ресурсами и ответственностью. [28]

Для российского конституционного права федерализм имеет особое значение. Он выражает пространственную, национально-культурную и историческую сложность российского государства, но одновременно ограничен принципами единого суверенитета Российской Федерации, государственной целостности, верховенства Конституции и равноправия субъектов. Российская Федерация не является союзом суверенных государств; ее субъекты обладают государственной властью в пределах компетенции, но не обладают суверенитетом и правом сепарации. [17] Наиболее точное

понимание федерализма должно быть, на наш взгляд, институциональным и динамическим. Федерализм - это не только структура государства, но и механизм постоянного распределения, согласования и судебной защиты полномочий. Его эффективность измеряется не количеством уровней власти, а тем, насколько ясно распределены полномочия, обеспечены ресурсы, защищены права граждан, сбалансированы интересы центра и субъектов и сохранено единство правового пространства.

Список литературы:

- [1] Майсурадзе К. А. Парламентаризм и парламент: сходство и различия // Образование и право. — 2025. — № 6. — С. 103–108.
- [2] Wheare K. C. *Federal Government*. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. P. 10-15.
- [3] Burgess M. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2006. P. 1-14.
- [4] Madison J. *Federalist No. 39* // *The Federalist Papers*. New York, 1788.
- [5] Friedrich C. J. *Trends of Federalism in Theory and Practice*. New York: Praeger, 1968. P. 7-9.
- [6] Watts R. L. *Comparing Federal Systems*. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. P. 8-17.
- [7] Riker W. H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company, 1964. P. 11-13.
- [8] Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945. P. 317-324.
- [9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.08.2026).
- [10] Шеленговский П. Г. Конституция Российской Федерации как нормативная основа и регулятор взаимодействия органов государственной власти с общественными институтами // Образование и право. — 2025. — № 11. — С. 86–91.
- [11] Андреева Д. Ю. Проблема обеспечения защиты прав граждан в системе местного самоуправления новых регионов Российской Федерации // Юридическая наука и практика. — 2025. — № 3. — С. 13–17.
- [12] Тихомиров Ю. А. *Теория компетенции*. М.: Юринформцентр, 2001. С. 38-56.
- [13] Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий...» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 898.
- [14] Лейпхарт А. *Демократия в многокомпонентных обществах*. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 45-73.
- [15] Stepan A. *Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model* // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 19-34.
- [16] Hueglin T. O., Fenna A. *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2015. P. 31-48.
- [17] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай...» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.
- [18] Волков О. Е. Проблема полномочий Совета Федерации в общей структуре власти Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 5. — С. 134–137.
- [19] Медушенков Ф. В. Конституционная система защиты права на личную неприкосновенность: понятие, структура и функциональные компоненты // Образование и право. — 2026. — № 9. — С. 143–149.
- [20] Эриашвили Н. Д. Об укреплении федерализма посредством присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 5. — С. 13–16.
- [21] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
- [22] Булаков О. Н. Государственная защита прав и свобод как конституционный принцип прав и свобод // Образование и право. — 2026. — № 7. — С. 89–96.
- [23] Каскулов И. А. Система конституционных принципов российского федерализма // Образование и право. — 2017. — № 4. — С. 83–89.
- [24] Марков Р. С., Чепрасов М. Н., Юрина П. А., Мологина П. И. Правореализация конституционной новеллы о федеральных территориях: к итогам первого пятилетия эксперимента // Образование и право. — 2026. — № 2. — С. 143–149.
- [25] Булаков О. Н. Конституционный статус парламента в Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 12. — С. 97–99.
- [26] Виноградова Е. В. К вопросу о федерализме как принципе территориального устройства современной России // Образование и право. — 2024. — № 2. — С. 62–65.
- [27] Баглай М. В. *Конституционное право Российской Федерации: учебник*. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 246-263.
- [28] Burgess M. *In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism*. Oxford: Oxford University

Press, 2012. P. 24-47.

References:

- [1] Maisuradze K. A. Parliamentarism and Parliament: Similarities and Differences // *Education and Law*. — 2025. — No. 6. — pp. 103–108.
- [2] Wheare K. C. *Federal Government*. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. pp. 10–15.
- [3] Burgess M. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2006. pp. 1–14.
- [4] Madison J. *Federalist No. 39* // *The Federalist Papers*. New York, 1788.
- [5] Friedrich C. J. *Trends of Federalism in Theory and Practice*. New York: Praeger, 1968. pp. 7–9.
- [6] Watts R. L. *Comparing Federal Systems*. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. pp. 8–17.
- [7] Riker W. H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company, 1964. pp. 11–13.
- [8] Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945. pp. 317–324.
- [9] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: August 17, 2026).
- [10] Shelengovsky P. G. The Constitution of the Russian Federation as a Normative Basis and Regulator of the Interaction Between Public Authorities and Civil Society Institutions // *Education and Law*. — 2025. — No. 11. — pp. 86–91.
- [11] Andreeva D. Yu. The Issue of Ensuring the Protection of Citizens' Rights Within the Local Self-Government System of the New Regions of the Russian Federation // *Legal Science and Practice*. — 2025. — No. 3. — pp. 13–17.
- [12] Tikhomirov Yu. A. *Theory of Competence*. Moscow: Yurinformtsentr, 2001. pp. 38–56.
- [13] Federal Treaty of March 31, 1992, "On the Delimitation of Scopes of Jurisdiction and Powers..." // *Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. No. 17. Art. 898.
- [14] Lijphart A. *Democracy in Plural Societies*. Moscow: Aspekt Press, 1997. pp. 45–73.
- [15] Stepan A. *Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model* // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. No. 4. pp. 19–34.
- [16] Hueglin T. O., Fenna A. *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2015. pp. 31–48.
- [17] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000, No. 10-P "In the Case Concerning the Constitutionality of Certain Provisions of the Constitution of the Altai Republic..." // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 25. Art. 2728.
- [18] Volkov O. E. The Issue of the Powers of the Federation Council within the General Power Structure of the Russian Federation // *Education and Law*. — 2025. — No. 5. — pp. 134–137.
- [19] Medushenkov F. V. The Constitutional System for Protecting the Right to Personal Inviolability: Concept, Structure, and Functional Components // *Education and Law*. — 2026. — No. 9. — pp. 143–149.
- [20] Eriashvili N. D. On Strengthening Federalism through the Incorporation of Newly Formed Subjects of the Russian Federation // *Education and Law*. — 2025. — No. 5. — pp. 13–16.
- [21] Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021, "On the General Principles of the Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 52 (Part I). Art. 8973.
- [22] Bulakov O. N. State Protection of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle of Rights and Freedoms // *Education and Law*. — 2026. — No. 7. — pp. 89–96.
- [23] Kaskulov I. A. The System of Constitutional Principles of Russian Federalism // *Education and Law*. — 2017. — No. 4. — pp. 83–89.
- [24] Markov R. S., Cheprasov M. N., Yurina P. A., Mologina P. I. Implementation of the Constitutional Provision Regarding Federal Territories: Assessing the Results of the First Five Years of the Experiment // *Education and Law*. — 2026. — No. 2. — pp. 143–149.
- [25] Bulakov O. N. The Constitutional Status of the Parliament in the Russian Federation // *Education and Law*. — 2025. — No. 12. — pp. 97–99.
- [26] Vinogradova E. V. On the Issue of Federalism as a Principle of the Territorial Organization of Modern Russia // *Education and Law*. — 2024. — No. 2. — pp. 62–65.
- [27] Baglay M. V. *Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2018. pp. 246–263.
- [28] Burgess M. *In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism*. Oxford: Oxford University Press, 2012. pp. 24–47.